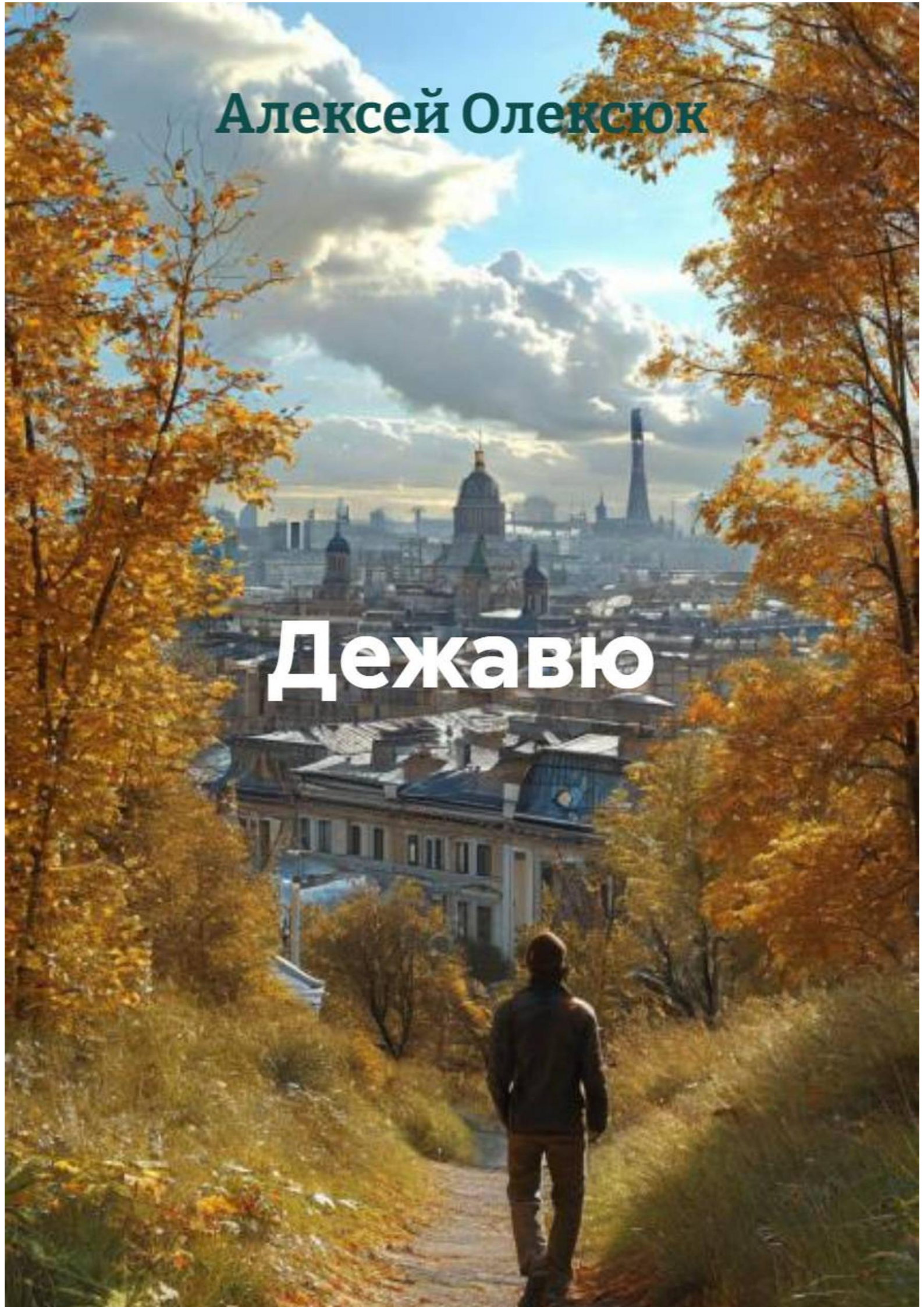

Алексей Олексюк

Дежавю

Алексей Олексюк

Дежавю

«Автор»

2015

Олексюк А. В.

Дежавю / А. В. Олексюк — «Автор», 2015

Иногда нас посещает странное ощущение, что мы уже были в том месте, которое видим впервые, хорошо знаем человека, которого встретили только что, уже слышали то, что говорится в эту минуту. Учёные называют такое состояние «дежавю» и считают его обманом психики. Но всегда ли это обман? Может быть, так мы встречаемся с несбывшимся? Во всяком случае у вас есть возможность пережить это таинственное и чудесное чувство вместе с героем данной повести, который погружается в неповторимую атмосферу Петербурга.

© Олексюк А. В., 2015

© Автор, 2015

Содержание

День первый	5
1. Бологое	6
2. Гроза на подступах	7
3. Город	8
4. Прибытие. Вокзал	9
5. Там, где чисто, светло	10
6. Выход в город	11
7. Воздух	12
8. На Невском	13
9. Сошествие	14
10. «Осторожно, двери закрываются!»	15
11. Гостиница	16
12. Чёрная речка	17
13. Явление героини	18
14. Торжковский рынок	19
15. Пикник на обочине	21
16. В номере	24
17. Сантехник-контрактенор	25
18. Мысли перед сном	27
19. Троллейбус, который...	29
20. Калинов мост	31
21. Конечная остановка	33
22. Аделаида	35
23. Пробуждение	38
24. Охта. Туда	39
25. Охта. Там	40
26. Тётушкин сон	41
27. Охта. Обратно	43
28. В Интернет-клубе	44
29. Бессонница	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дежавю

День первый

*На Чёрной речке вечная зима.
В любое время года – непогода...
Геннадий Мануйлов*

1. Бологое

Он внезапно проснулся на какой-то станции. Антон проснулся от того, что прекратилось мерное покачивание вагона, ставшее привычным за последние три дня, ввевшееся в мозг и застрявшее непрерывным перебоем стыков в лабиринтах среднего уха. Неподвижность оглушала, как тишина после долгого ора. Антон проснулся, но не открывал глаз. Он слышал, как собирались (стараясь не разбудить его) соседи по купе. За три дня пути эти люди стали частью его жизни, теперь же часть его жизни вместе с этими людьми уходила куда-то в ночь, и Антон чувствовал, что не в силах принудить себя встать попрощаться. Он лежал на нижних полотах, под лёгкой прохлорированной простыней, словно в прохладном потоке – безвольно, бездумно, плавно отдаваясь от людей, которых три дня несло течением железнодорожной воды вместе с ним, а теперь относило в сторону – вправо от полотна, к зданию вокзала и дальше – к автобусной остановке.

Антон всё-таки открыл глаза. В купе уже никого не было. Постельное бельё и матрасы на противоположных полотах свёрнуты. Повернув голову, он увидел в окно, как мелькнули в резком свете станционных фонарей две тени.

2. Гроза на подступах

Больше он в эту ночь не спал. Встал, убрал постель. Посидел в темноте опустевшего купе. Его снедало волнение.

Он вышел в коридор, где встречный ветер колыхал куцы занавески, увеличивая и без того гулкое сердцебиение. Поезд набирал ход: так спешит – невольно – человек, когда цель долгого путешествия уже близка и ощутима физически.

Но за стеклом ещё ничего не было. Только тьма...

Хотя, если взглядеться, эта тьма была двух видов: снизу погуще, немного экзистенциальнее, а сверху попроще – просто тьма летней ночи в европейской части России.

Антон вернулся в купе. Проверил вещи и документы: не забыл ли чего. Присел.

Но долго высидеть не смог. Вновь выбежал в коридор. Теперь тьма за окнами распалась. Воздух пропитался едва различимым предутренним светом. Теперь было видно, что тьма внизу – это земля, а тьма вверху – туча, идущая со стороны Финского залива. Земля летела мимо, отбрасываемая стремительным движением поезда. Местность представляла собой плоскую равнину, поросшую лесом. Там, откуда ехал Антон, бескрайний степной океан катил пологие валы, как сведённые судорогой мышцы... Поэтому плоскость этих заболоченных равнин казалась ему невероятной, геометрически слишком правильной.

Впереди по движению поезда вспыхивали далёкие зарницы. Молний не было видно – только свет мгновенно и стремительно озарявший груды сырых, как свежевспаханная почва, туч. Гром не достигал слуха: из-за дальности расстояния или шума поезда. Антон всматривался в зарницы, словно в некое небесное знамение. Казалось, там шёл бой. Там был незримый ещё город. И туда стремился поезд.

3. Город

Примерно через полчаса стало ясно, что поезд минует грозу. В крайнем случае – застанет её арьергард.

Проводник прошёлся по вагону, стуча в двери: «Через пятнадцать минут прибываем».

Антон сидел один в опустевшем купе. Он уже отнёс постельное бельё, умылся, переоделся.

Вагон ожил. Слышались шаги, голоса, стук дверей. Прямолинейное движение поезда дополнилось броуновским движением пассажиров.

За окном светало. Тонкие алые отсветы лежали на первых строениях пригорода – каких-то складах, будках, гаражах, на товарных вагонах и лицах путевых рабочих, чьи оранжевые жилетки были как нельзя в масть этому утру. Пригороды кутались в заревой шёлк.

Кто-то в коридоре обронил фразу: «Обводной канал», – и Антон припал к окну, боясь пропустить эту первую истинно петербургскую приметку.

4. Прибытие. Вокзал

Когда поезд начал сбавлять ход, арьергард туч настиг-таки его серой пеленой дождика – уже без спецэффектов в виде грозовых разрядов. Серая мешковина туч и серая пелена дождя съели недавнюю пестроту красок, насытив воздух мерной торжественностью. Суета стихла. Прозвенел третий звонок. Поезд стал у перрона.

Пассажиры выходили в тёплый летний дождь без спешки. Они чувствовали важность прибытия. Место было не базарное, не крикливое. Проводники чинно помогали вынести сумки на чистый (и не от дождя вовсе) перрон. Привыкшее к железнодорожному ритму тело слегка покачивало.

Похожее на музей здание вокзала вбирало в себя приезжих.

Антон миновал гулкие своды, памятник основателю города. Новое, более вместительное здание было пристроено к старому, и переход из одного в другое не казался резким.

Снаружи лил дождь. Внутри – бесконечный людской поток. Антон купил в ларьке карту города. Какой-то бомж подошёл к нему.

- Извините, у вас не найдётся сигареты?

Впрочем, бомж мог оказаться и старым хиппи.

- Нет. Не курю.

- Жаль. Утро немислимо без чашки кофе и выкуренной сигареты.

- Могу дать денег: купите себе пачку в ларьке.

- Благодарю, но мне нужна только одна сигарета, исключительно для тонуса.

И он ушёл – искать курящих в этом борющемся с вредными привычками мире.

5. Там, где чисто, светло

Кто-то из великих (а кто именно - запомнил) сказал, что об уровне цивилизованности нации можно судить по состоянию общественных уборных.

Можно. Антон понял это, когда проскочил под слитной стеной воды из гулкого зала в глухой подвальчик, облицованный кафелем. Кафель сиял чистотой хирургического отделения. Пахло хлоркой. Лампы дневного света заливали помещение ровным сиянием: ни одна не мерцала от усталости. Женщина на входе вежливо приняла у Антона деньги, выдав взамен туалетную бумагу и чек. С волос и с одежды капало. Скатывались дождевые капли на блестящий в ярком свете ламп кафель. Неловко было Антону за оставляемые мокрые следы, но нужда заставляла идти дальше – осторожно ступая, чтобы не поскользнуться.

Зато потом ему мучительно не хотелось покидать это чистилище...

Казалось, там, где чисто, светло, и души должны быть чисты, светлы... Так казалось...

6. Выход в город

Перебегая в общественную уборную, он ещё не видел ничего толком: проулок, стена дождя, спешка...

Выйдя полчаса спустя на площадь, Антон почувствовал, что попал в декорации какого-то фантастического фильма. Это была другая планета. Другое измерение. Совершенно другой мир. Грандиозный в своём замысле и, в то же время, удивительно уютный в исполнении. Словно с размахом задуманную симфонию взялся исполнять камерный оркестр: и не на сцене, а прямо у вокзала, как это делают уличные музыканты... Великолепие города не подавляло, а покоряло мгновенно и бесповоротно. Так настигает вдохновение. Или любовь к женщине.

Такого количества рукотворной красоты Антон ещё никогда не видел. Город казался чьим-то гениальным сном, но настолько естественным, что немислим был иным, как немислима иной гроза, море, земля, воздух... Данность. Творение соразмерное жизни.

7. Воздух

Ещё несколько слов о воздухе. О петербургском воздухе невозможно умолчать. Он был душой этого города.

Антон вслушивался в него, как вслушиваются в чужую речь – странно знакомую, но с лёгким европейским акцентом. Основной тон задавали море и камень. Но были сверх того полутона, обертоны...

Это пьянящее послевкусие волновало кровь и заставляло сладострастно замирать сердце. Никогда ещё Антону не дышалось так легко. Голова посвежела.

Всё второстепенное, необязательное внезапно ушло; осталось только главное – то, ради чего стоит жить.

8. На Невском

Всё-таки Антон перепутал улицы, хоть и сверялся с картой. Он пошёл по Лиговскому вместо Невского. Потом понял, отошёл под балкон от всё ещё морозящего дождя, раскрыл карту, всмотрелся, убрал назад в рюкзак, пошёл боковым проулком. Проулок вывел его на Невский, к закрытому пластиковой плёнкой зданию. Проспект вобрал в себя нового пешехода, направив его в общее течение, а течение повлекло по невиданным доселе гранитным тротуарам, через деревянный туннель под пластиковым пологом, покрывшим реконструируемое здание, через подземные пешеходные переходы, через Аничков мост, мимо витрин, похожих на титры чёрно-белой фильмы, мимо барельефов, балюстрад, бельэтажей, мимо – всё дальше и дальше – ко входу в метро.

9. Сошествие

Снизу, из-под земли, тянуло тёплым воздухом, пропитанным запахом стали и резины. Там дышали скрытые механизмы.

Петербургское метро – самое глубокое в мире. Об этом Антон прочёл в Интернете. Там ещё было написано что-то занимательное... Но, боже-боже, как же долог этот траурный спуск. Как сведущ этот полукруглый свод. Как сосредоточены будничные лица горожан... Ежедневно совершают они сей обряд.

«А крутенький спуск-то, крутенький», - мелькнуло у Антона в голове, - «с непривычки так и тянет вперёд всем корпусом».

Но вокруг множество народу, падать особо некуда.

С непривычки около километра земной тверди над головой щекотали нервы, вызывая прилив неровного, как язычок пламени на сквозняке, возбуждения... Ведь, если вдуматься, около километра...

Спуск долог. Нетерпеливые молодые сбегают вниз, перескакивая через ступени, перила, менее прятких сограждан.

Девушка с раскрытой книгой в руках оглянулась на Антона: он слишком пристально всматривался через её узкое плечико, силясь угадать произведение или автора. Неосторожное любопытство провинциала. Антон смущённо отвёл взгляд.

Долог спуск. Но не бесконечен. Своды раздались ввысь и вширь, открывая деловито-торжественный вестибюль.

10. «Осторожно, двери закрываются!»

Неопытному человеку трудней всего понять, с какой стороны прибывает нужный ему поезд. Человек долго изучает надписи, пытаясь сообразить. Что-то соображает, но не уверен в своих соображениях и поэтому спрашивает ближнего, чьё лицо кажется наименее озабоченным. В результате выясняется, что «язык до Киева доведёт», «за спрос денег не берут» и «лучше два раза спросить, чем один раз напутать».

«Да-да, я понял. Спасибо!»

«Сейчас Горьковская закрыта на реконструкцию, поэтому я и говорю, что две станции, а если считать с Горьковской, тогда вам нужно выходить на третьей».

«Благодарю».

«Впрочем, вы услышите: там объявляют, какая станция будет следующая...»

Явлению поезда предшествовало движение вытесненного этим поездом сухого технического воздуха. Предчувствие всколыхнуло причёски и платья. Потом возник звук. Тревожный, нарастающий звук, рождённый туннелем, как гигантской органной трубой.

...Сердце сжалось неволью. Но никто не отступил от жёлтой черты...

Когда звук достиг наивысшей плотности, его, как покрывало – снизу вверх – разорвал трубный глас поезда. Туннель выдохнул его с явственным облегчением. И с такой силой, что остановить против платформы, казалось, немислимо: неминуемо проскочит мимо, уйдя в зияющее жерло напротив.

Но остановился. Створки дверей раздались в стороны, впуская Антона вслед за другими пассажирами. Скамьи были уже заняты. Да и не хотелось сидеть. Антон встал у входа, взявшись за поручень.

«Осторожно, двери закрываются», - сообщил приятный женский голос из динамика.

И двери действительно закрылись.

«Следующая станция...»

Пол дрогнул под ногами у Антона. Плавно (не так, как в автобусе) сдвинулся вагон относительно колонн и оставшихся на платформе людей. Не было в его движении железнодорожной дрожи. Поезд плавно, но стремительно набирал ход. Промельк колонн за стеклом стал невыносим для глаз, и кто-то одним махом выключил свет.

Туннель.

Туда, дальше...

11. Гостиница

Выход из метро сродни всплытию. Глотаешь свежий, промытый дождиком, воздух и с воздухом обретаешь небо над головой: всё ещё серенькое, затучкованное, но всё-таки небо, а не потолок.

Рюкзак слегка отягощал Антону плечи. Однако радость от сознания, что он здесь, что он идёт по питерской земле, своей подъёмной силой уравновешивала тяжесть ноши: шаг лёгкий, пружинистый, спорый.

Здание гостиницы – сугубо советское и тем родное – выглянуло из-под современной высоты. В другое, более респектабельное, он, пожалуй, заходить побоялся бы. Внутри, правда, пластика оказалось больше. Вежливая девушка за стойкой приняла у Антона документы, изучила их и сообщила, что заселение производится с 12:00, до этого времени он может посидеть здесь в фойе либо оставить вещи в камере хранения и прогуляться. У вежливой девушки за бежевой стойкой мелькнула отнюдь не дежурная улыбка.

- Где у вас тут камера хранения? – спросил Антон.

12. Чёрная речка

Покинув фойе гостиницы, Антон окунулся во влажный утренний проспект. Кроткие прохожие одушевляли это вычерченное под линейку пространство: без них оно было бы сухим примером из учебника геометрии за шестой класс. Впрочем, и прохожие без проспекта стали бы недоразумением, забавным или печальным курьёзом, простительным, но не обязательным. Только в его свете, в свете перспективы, которая открывалась в сторону Большой Невки, все встречные люди обретали неслыханную значимость. Они были не сами по себе, они были частью города. Проспект же задавал им направление: не только в пространстве, но и в истории.

Антон не выбирал пути. Его тоже влекло проспектом. Но дойдя до моста над Чёрной речкой, он внезапно переменял маршрут. Неосознанно. Течение воды вырвало его из поля тяготения проспекта, и он пошёл вдоль левого берега. Только отдельные детали, как водовороты, на некоторое время притягивали его внимание, чтобы потом отпустить далее:

- Старушка крошила белоснежную булку, подкармливая стайку разномастных уток;
- Тщательно отреставрированный дом начала XX века украшала вывеска о продаже квартир (эх, никогда мне не купить здесь угол!);
- Пешеходный мостик с лёгкостью гимназиста, скачущего через лужи, перекинулся с одного берега на другой.

Как было не последовать его примеру! Тем паче, что по тому берегу протянулся парк. Новый источник притяжения повлёк Антона к себе. В этом зелёном шуршании ветвей сквозила невысказанная симпатия. Сырая утренняя душа парка томилась чуть слышной испариной, которую уносил ветерок, оставляя лишь ощущение свежести, как если бы деревья только вышли из баньки на двор.

Оставив справа какое-то служебное сооружение, Антон вышел к посыпанной песком площадке, окаймлённой скамейками. Одна из них оказалась сломанной (доски сбиты с бетонных опор), а две заняты (коротковолосым парнем с ноутбуком и длинноволосым парнем с велосипедом), но остальные свободны и уже успели просохнуть. Впереди чуть виднелась Большая Невка. Антон натёр пятку намокшей от дождя туфлей. Он присел, снял обувь и с наслаждением вытянул ноги. В родном городе он никогда не решился бы сидеть в парке в одних носках. А тут... а тут и решаться не нужно было.

Стая голубей слетела с окрестных ветвей. Рассредоточилась. Потом стала методично окружать, вышагивая туда-сюда с видом озабоченных поиском корма в крупнозернистом речном песке, которым была посыпана вся площадка. Самым смелым оказался молодой белый самец: он не только подходил почти вплотную к вытянутым антоновым ногам и пристально всматривался в хозяина этих ног то одним, то другим глазом, но и отгонял ревниво прочих сородичей. Жаль, что всё съестное осталось в рюкзаке.

Попрошайки. По сути. А парк без них поскучнел бы.

13. Явление героини

Резкий лязгающий звон... вскрик... хлёткая шрапнель волглого песка – по лицу, по открытой шее, по рукам... вихрь вспугнутых перьев...

Антон инстинктивно дёрнулся в сторону и в тот же миг был уже на ногах. Чёрный тубус подкатился к его ногам. Он невольно наклонился поднять.

- Чёрт! – услышал он довольно звонкий и явственно женский (даже девичий) голос. – Какого хрена! Кто выставил эти дурацкие туфли?! Что б ему всю жизнь босиком ходить! По битым стёклам...

Рядом со скамейкой (видимо, наскочив на неё со всего маху и перелетев по инерции) лежал облепленный песком велосипед, а рядом пыталась (безуспешно) подняться на ноги молодая девушка в джинсах и футболке (то и другое – бескомпромиссно чёрного цвета).

Парень, который чинил своего «двухколёсного друга», первым поспешил к пострадавшей, помог ей встать на ноги и тут же (- чёрт, голень!) сесть на злополучную скамейку, довольно уверенно ощупал голень (- вы медик?), принёс эластичный бинт, перетянул им растянутую мышцу (- спасибо, так лучше...), поднял и отряхнул от налипшего песка велосипед, осмотрел, что-то поправил (- бестолку, переднее колесо всё равно придётся менять...).

- Чёрт! Я думала, это голуби, - кивнула девушка на пару стоптанных, выдавших виды туфель.

Только тут Антон осознал, что стоит в одних носках, да ещё и с дурацким тубусом в руках.

- Возьмите, - протянул он владелице довольно увесистый футляр.

- Оставьте себе! – отмахнулась та.

- Вы художница? – спросил Антон от растерянности, хотя совершенно не думал об этом.

- По вашей милости я теперь калека, - она впервые с начала разговора пристально взглянула на собеседника: чуть ниже среднего роста, тёмноволос, тёмноглаз, нос с лёгкой горбинкой (кавказец, что ли?), одет в джинсы, клетчатую рубашку, чёрную ветровку... ах, да – ещё в серо-голубые носки с надписью «LSD»... теперь всё... симпатичный...

- Сядьте, - скомандовала она, - терпеть не могу, когда стоят над душой. И обуйтесь уже.

Парень, что помог ей подняться, починил свой велосипед и, попрощавшись, укатил на нём. Больше он в этом повествовании участвовать не будет. Хотя, его дальнейшая судьба весьма любопытна...

- Я могу заплатить за поломанное колесо, - сказал Антон, завязывая шнурки с поспешностью, выдававшей его смущение.

Тубус лежал на скамейке, как межевая черта.

- Вы так богаты?

- Если бы я мог починить, то починил бы.

- Хорошо, - её серые глаза внезапно утратили остроту и холод стали, пропитавшись зеленоватым лукавством, - в велосипедах вы не разбираетесь. Тогда в чём же вы разбираетесь?

- Не знаю, - растерялся Антон. – Во многих вещах.

- Вы понимаете в живописи?

- Да, конечно. Я не искусствовед, но всё, что касается искусства, знаю, можно сказать, профессионально.

- Очень хорошо. Тогда вы сможете оказать мне услугу, которая компенсирует и поломанное колесо, и повреждённую ногу.

14. Торжковский рынок

Торжественный зал, гулкий и грузный, перегруженный товаром; светлое советское здание, железобетонный короб, отданный на откуп гортанному выговору, грачиной стае перелётных граждан некогда бескрайней и бескорыстной страны.

«Дэвушка, а, дэвушка, купы пэрсик! Зачем нэ хочешь?»

Изобилие. Запахи мешаются. Мелькают горы съестного: монбланы конфет, эвересты колбас, килиманджаро фруктов, фудзиямы рыбных консервов...

- Что мы тут ищем? – Антон вертел башкой, пытаясь сориентироваться в этом бурлящем котле.

- Мы ищем подарок, - пояснила девушка, без оглядки пробираясь вперёд. Она всё ещё немного прихрамывала.

- Подарок? Кому мы ищем подарок?

- Моей тёте.

- Ага, понятно, - хотя, ни черта ему было не понятно.

Через бакалею они вышли к вино-водочным изделиям. Изделия были, в основном, молдавского разлива. Но девушка выбрала вполне достойного представителя из семейства «мартини».

- Держите, - протянула она весомый пакет Антону, - держите крепче.

Картонный пакет с хлипкими верёвочными ручками. Бутылка шваркнулась о бетонный пол и распласталась пахучей желтоватой лужей. Фу, пакость!

- Чёрт! – выругалась девушка, только что расплатившаяся с продавцом, – от вас одни убытки!

- Оставьте, уборщица уберёт, - махнула она рукой, видя как Антон в растерянности подбирает осколки.

Вторую бутылку такого же точно «мартини» девушка ему уже не доверила – несла сама.

- У вашей тёти сегодня день рождения? – спросил Антон, чтобы как-то разрядить обстановку.

- Нет. У моей тёти сегодня знакомство с женихом её единственной племянницы.

- То есть с вашим женихом?

- Вы удивительно догадливы, - не удержалась девушка от очередного укола: её тонкие губы сжимали целый набор невидимых шпилек.

- Стараюсь. Но вот чего я пока не могу сообразить: какова моя роль в этом мероприятии? Я должен буду оплатить «мартини»?

- Вы должны будете воплотить её надежды. Ваша роль главная. И поэтому не подведите меня.

- Не понимаю.

- Видимо, я переоценила вашу сообразительность.

- Вы говорите загадками. Даже криптограммами. Причём, на древнешумерском языке.

- Ничего не напишешь: это мой родной язык.

Они вышли из здания. Небо посветлело. Стало выше. Тучи рассеялись. Только на востоке ещё виднелась облачная рябь, похожая на свернувшиеся в голубом кипятке хлопья молока; сквозь неё расплывчатым пятном просачивалось расплавленное солнце – ослепительный желток, растекающийся извилистыми протоками небесного архипелага (вид сверху – как на космических снимках). Резкий утренний свет окончательно убил все туманности и недомолвки.

- Вы сыграете роль моего жениха. Для тёти, - сказала девушка, снимая цепочку, которой её покалеченный велосипед был прикован к перилам. Антон следил за движениями тонких

рук так, словно в этих уверенных рефлекторных пассах заключалось скрытое послание. Он не отрывал взгляда.

- Вы шутите?

15. Пикник на обочине

- Я проголодалась, - внезапно заявила девушка.

Они неспешно влачили свои бранные тела всё тем же проспектом, а Антон влачил ещё и покореженный велосипед – словно коня вёл под уздцы.

- Я хочу самсу, - уточнила свой запрос девушка.

- Вон там, впереди, есть кафе.

- Здесь нет хороших кафе. Лучше зайдём в магазин.

- Хорошо, - с неохотой согласился Антон: после трёх дней в поезде ему стоило труда отказаться от гарантированного удобства в пользу сомнительной романтики, обменять герметический мир гурманов на демократический перекус под открытым небом. Ностальгией по студенческой жизни он явно не страдал. Ему не хотелось булочки с кефиром. Ему хотелось тарелки наваристых щей, салатика а-ля винегрет, шашлычка и чая с тирамису...

Они вошли внутрь. Внутри были большие стрельчатые окна. Почти музейная чистота. И тишь. Единственный покупатель – аккуратная старушка в старомодной шляпке, старательно укладывавшая в классическую советскую авоську пол кило традиционной «краковской».

- Чего вам? – плеснув горсть тусклой мелочи в пластиковую чашку, продавщица оборотила свой взор на вновь вошедших.

Старушка ссыпала сдачу в кошелек, защёлкнула его и пологой походкой проплыла к выходу. Высокие деревянные двери схлопнулись за ней.

Девушка: - У вас есть самса?

Продавщица: - Сколько вам?

Девушка (Антону): - Вы будете?

Антон: - Нет, спасибо. Я бы взял вот это (указывает пальцем в нечто запечённое в тесте).

Продавщица: - Разогреть?

Девушка: - Да, если можно.

Продавщица: - Подождите (взяв самсу и нечто в тесте, выходит в смежное помещение).

Девушка (подавшись вперёд, близоруко всматривается в ценники): - Сколько-сколько? Пойдём отсюда!

Антон: - Как это: «пойдём»?

Девушка: - Обыкновенно, ногами...

И они пошли. Даже побежали.

- Как-то это... - Антон запнулся, сиюсья подыскать определение. – Некрасиво.

Велосипед сковывал его движения; не так-то просто было поспевать за стремительно летящей девушкой.

- А «загибать» такие цены «красиво»? – лицо её, озарённое волнением, обрело упругую и чёткую решимость гипсовых слепков. О такую девушку можно обжечься. Если бы её кипучая кровь не уравновешивалась невозмутимой голубизной неба, этот город стал бы колыбелью ещё одной революции.

- Всё равно: нужно было дождаться продавщицу.

- Зачем?

- Чтобы сказать ей, что мы передумали и ничего покупать не будем.

- Вас давно матом не посылали? Ну, тогда нужно было дождаться...

Они свернули на перпендикулярную проспекту улочку. Почти безлюдную. Только у ларька на углу толпились гастарбайтеры. От них веяло оптимизмом и перегаром. Еду они выбирали так же как Антон – методом тыка, тыкая в витрину корявыми пальцами. Их детские лица радовались каждому знакомому слову. Затарившись хавчиком, они гортанным гуртом побрели прочь. Прочерк...

Новый абзац.

- Хорошо, что калитка оказалась не заперта, - девушка села на скамейку напротив тонкой струйки воды в приземистой чаше (назвать это фонтаном казалось как-то слишком пафосно).
- Мне тут нравится.

Антон сел рядом.

Высокие тополя – статные седолистые красавцы – тщательно укрывали девушку – её лицо и её одежду – узорчатой патиной, тончайшей паутиной из света и тени – невесомой, струящейся, сглаживающей предопределённость и однозначность линий, погружающей слух в сонный шёпот пересыпаемого в песочных часах времени.

- Вот это правильная самса, - девушка с жадностью отрывала куски от тягучего теста с прослойками разноцветных начинок. – Правильная самса бывает только в ларьках.

- Ага, - кивнул Антон, запивая томатным соком свою порцию среднеазиатского деликатеса. – И готовить её должны правильные узбеки.

- Именно! Готовить на глазах у покупателя, а не разогревать в бездушной микроволновке.

Отягощённое едой тело тянуло в сон. Но солнце ещё не успело перевалить за полуденную черту, и дрёма лишь слегка коснулась глаз, увлажнив их.

- Так чем же я могу быть вам полезен? – Антон смотрел на небольшое трёхэтажное здание в глубине двора, вернее – на электрика в альпинистском снаряжении на стене этого здания. Электрик тянул кабель.

- Тем, что вы мужского полу и достаточно молоды, - ответила девушка.

- Я серьёзно.

- Я тоже.

- Вы же сами понимаете, что это глупость.

- Почему? – удивление её было искренним.

- Потому что глупость. Я согласен вам помочь, но... не так...

- Кишка тонка?

- Нет, ум долог.

- Бойтесь влюбиться?

Такого оборота Антон не ожидал.

Первой его реакцией было: «Вот ещё!»

Второй: «А даже если и так?»

Третьей (и окончательной): «На глупые вопросы не отвечаю».

- У вас есть девушка?

- И на провокационные тоже.

Как ни странно, эта резкость, безапелляционность суждений чем-то даже импонировали Антону. Он ещё раз взглянул на тонкий профиль своей собеседницы (нос с лёгкой горбинкой, верхняя губа слегка вздёрнута) и подумал отчётливо, без тени лукавства, но как-то отстранённо: «Вот девушка, в которую я мог бы влюбиться».

Однообразное движение времени в этой тихой заводи создавало иллюзию неподвижности. Улица текла ровень с сегодняшним днём, а двор стоял пообочь, словно вечный студент, глазеющий на шумную толпу событий, но робеющий смешаться с ней. Годы оседали тут, за железной оградой, осязаемым ощущением дежавю, их сносило сюда течением, как сносит речной ил. Любой материальный объект, увязнув в этом болотце, начинал неощутимо, но неизбежно погружаться в прозаический ил прошлого, чтобы затем прорасти какими-то совершенно вневременными артефактами – вроде, вон, того автомобиля, брошенного кем-то посреди двора: шины всмятку, бампер проеден ржавчиной, во вмятины на крыше и на капоте нанесло земли, в которой успела взойти тощая трава, стёкла и двери уцелели, но внутри – в открытом бардачке – осы соорудили своё бумажное гнездо. Антон из любопытства подошёл

поближе. Ему было любопытно, как осы могли просочиться внутрь закупоренного салона. Но долго любопытничать ему не позволили: девушка уже стояла поодаль.

- Вам не кажется, что ему одиноко тут?

- Кому?

- «Ауди»... Ведь его зовут «ауди»?

Это было как-то чересчур уж по-женски. После всего.

- Что ж делать? Такая у него судьба, - растерявшийся Антон произнёс самое банальное, что можно было произнести в данной ситуации. От укусного привкуса ему стянуло челюсти.

- Давайте оставим мой велосипед здесь. Вдвоём им будет лучше, - предложила девушка.

- Послушайте: это всего лишь старый автомобиль. Он не может ничего думать или чувствовать.

Девушка неожиданно улыбнулась:

- Вот именно!

Глядя, как ловко она «приковывает» велосипед к бамперу автомобиля, Антон удержал уже готовую сорваться с губ сентенцию о тщетности её усилий: мол, всё равно украдут ближайшей же ночью... Ему расхотелось упражняться в остроумии.

Подняв взгляд, он увидел, что электрик в альпинистском снаряжении курит, усевшись на краю мансарды. Свет солнца бил мужчине в глаза, заставляя хитро щуриться.

Припекало. Антон чувствовал на своей спине горячую ладонь занимающегося дня. И день этот обещал быть долгим.

16. В номере

Проводив девушку до метро, Антон вернулся в гостиницу. Там ему выдали багаж из камеры хранения и вручили электронный ключ от номера – пластиковую карточку, с помощью которой можно было не только открывать-закрывать дверь, но и воспользоваться лифтом. Антон и воспользовался, хотя дома на третий этаж он всегда поднимался пешком.

Лифт вознёс его в фойе, где стоял большой кулер для воды, пара кресел и... гладильная доска с утюгом.

«Уютненько», - безо всякого ехидства подумал Антон.

Потёртая, но мягкая дорожка, оставшаяся, видимо, с советских времён, приятно пружинила под ногами. Хотелось пуститься по ней вскачь: добежать до конца коридора, где виднелась кадка с каким-то пальмообразным растением, – и обратно. Лет в десять он так и поступил бы.

Сейчас же Антон пошёл неспешно, как подобает усталому взрослому человеку. И пошёл в прямо противоположную от своего номера сторону. Но потом сообразил где что.

Комната ему понравилась: уютно, чистенько. Мебель не новая, где-то из восьмидесятых, но хорошо сохранившаяся, не пошарпанная. Обрадовался письменному столу с ночником и широкому окну, прикрытому лёгким полупрозрачным газом, слегка колышущемуся от малейшего движения воздуха. Антон сдвинул шторку, приоткрыл одну из боковых створок в пластиковой раме и выглянул наружу: знакомый уже проспект обдал его бодрим урчанием своего вечно голодного чрева; сквозь этот фон толчками пробивались обрывки фраз и гудки автомобилей. Он словно прижался головой к огромному тёплому брюху диковинного заморского зверя, чьё слегка сиплое дыхание щекотало лицо ощущением подлинного, не книжного бессмертия.

К остановке внизу нехотя подполз троллейбус: неуклюжее механическое насекомое с длинными нечленораздельными усами – милое безобидное создание Петербургского трамвайно-механического завода. Его сородичи, обитавшие в родном городе Антона, уже давно вымерли. Увы...

Усталость и недосыпание всё-таки давали о себе знать. Выгрузить вещи и книги из рюкзака казалось невероятно тяжело. Даже принять душ после трёх суток в поезде особого желания не возникало. Ну, разве что наскоро умыться, а потом упасть на кровать и потерять сознание. И чтобы никаких снов.

17. Сантехник-контратенор

Антон отворил дверь в ванную (и туалет по совместительству). На сайте гостиницы наличие этого помещения обозначалось фразеологическим оборотом «с удобствами». Но фраза «отворил дверь в удобства» звучала настолько «по-удобски», что её неудобно было даже подумывать, не только произнести вслух.

Вся сантехника была новая. Настораживало только беззаботное журчание из-под крышки унитаза. Антон попытался самостоятельно решить проблему, полез, засучив рукава, в бачок, но вскоре понял тщетность своих усилий. Вода по-прежнему сочилась силой струёй, набираясь и переливаясь. Поплавковый клапан не перекрывал её подачу.

Эта мелкая, в сущности, неприятность неожиданно расстроила Антона. Ломкий электрический свет в ванной показался ему безнадёжным. При таком освещении кончают самоубийством.

Плюнуть бы на всё и лечь спать...

Но Антон знал, что не сможет уснуть: эта мелочь, на которую другой не обратил бы внимания, изъест ему мозг.

Он спустился в фойе.

Всё та же улыбчивая девушка за стойкой с интимно-шепчущей-на-ушко надписью «ресепшн» пообещала, что их штатный сантехник явится через несколько минут.

И он явился. По-другому не скажешь, потому что войти в дверь он не мог в силу своих габаритов: ни по вертикали, ни по горизонтали. Он мог только материализоваться, телепортироваться или самозародиться из смещения мутного электрического света и непрерывного журчания воды. Как и положено планетам-гигантам, он обладал крайне низкой плотностью и сильным притяжением. Его тело притягивало взгляд Антона своим почти газообразным волнением: волны детского смущения накатывали на его лицо и скатывались вниз по складкам синего комбинезона. Явление голоса, в свою очередь, обнажило их причину. Это была безнадёжно высокая нота, пронизанная тоской по мужественности. Но в этой тоске начисто отсутствовали низкие частоты, придающие весомость словам и поступкам. Явившийся не был повинен во врождённом диссонансе. Но не были повинны в своей реакции на этот диссонанс и окружающие. Усмешка возникала не из чёрствости, а из щекочущей живости восприятия. Такая реакция была естественной. Однако белёсая завеса усталости и полусна скрывала от Антона весь комизм ситуации, оставляя лишь бледную тень удивления.

Он сопроводил сантехника к непрерывно струящемуся фаянсовому водопаду, попытался объяснить, в чём дело, но для специалиста причина и так была очевидна: объяснения прервали краткой лекцией по устройству сливных бачков с небольшим экскурсом в историю данного приспособления и благодарственной одой в честь сэра Джона Харрингтона.

Антон всегда восхищали люди увлечённые, к какой бы области не относились их увлечения. Когда словоохотливый сантехник подробнейшим образом излагал, как действует механизм спуска воды, это была песня...

- Вы знаете, откуда возникло само слово «унитаз»?

- Нет, - признался Антон, отгеснённый к дверному проёму непрерывно колышущейся, сотрясающейся и вращающейся тучей в джинсовом комбинезоне.

- В начале двадцатого века в Россию их поставляла испанская фирма «Unitas». А знаете, как переводится «Unitas»?

- Нет.

- «Единство»! – он приснул чистейшим мальчишеским смехом. – Символично, вы не находите? В чём ещё мы столь едины, как в отпращивании естественной нужды? Будь ты хоть Папой Римским, а долг природе изволь отдать наравне со всеми... хочешь ты того или нет.

- У нас в классе одна девочка была буквально влюблена в учительницу английского языка – боготворила её. И расплакалась, когда увидела, как та пошла в туалет.

- Я вот тоже иногда думаю грешным делом: как Иисус-то справлял нужду? Почему об этом нигде не пишут? Были у них там специальные места или приходилось бегать за ближайшую смоковницу?

- Не знаю. Как-то не интересовался.

- Опять же, питался он вряд ли хорошо. Бродячий проповедник с кучей учеников: сегодня приютили, накормили, а завтра – бог весть, можно и голодным лечь спать. Так что желудок у него, думаю, прихватывало частенько...

- Вы верующий? – спросил Антон.

- Да. Я даже пою в церковном хоре.

- Поёте???

- Да. После школы пытался поступать в музыкальное училище, но увы... не прошёл...

Пришлось приобретать более практичную специальность.

- Я думал, вы... вы так хорошо говорили о своём деле...

- Нет, что вы! Я живу только пением. Остальное мне не интересно.

18. Мысли перед сном

Засыпая, Антон думал о странностях этого дня. Сначала взбалмошная парадоксальная девушка, потом не менее парадоксальный поющий (а не пьющий) сантехник. Может быть, здешний воздух так действует на людей? Может быть, и на него, на Антона, действует тоже? Раньше он ни за что не согласился бы играть роль водевильного жениха. Впрочем... Однажды уже согласился. И только случай помешал постановке этого фарса. Почему он тогда поддался уговорам? Трудно сказать. Но уж, во всяком случае, не из-за своего холостяцкого положения. Холостяцкое положение его вполне устраивало. Конечно, иногда посещали мысли, что, мол, странно дожить до двадцати семи лет от роду и ни разу не держать девушку за руку. Не было у него никогда никаких отношений с девушками. Ну... так сложилось. Вернее, не сложилось. Нельзя сказать, чтобы он вовсе чурался особ противоположного пола: влюблялся, начиная с детского садика, довольно регулярно. Но каждый раз между ним и особой, вызвавшей прилив романтических чувств, вставала стена врождённой стеснительности. А сами избранницы не проявляли к нему ни малейшего интереса. То ли рожей не вышел. То ли характером не удался. То ли... Да кто их, женщин, поймёт!..

Однако в тот момент всё как-то сошлось разом: болезнь матери, отъезд единственного друга в другой город, разрыв с тем кругом общения, в котором он вращался последние лет десять... Возник вакуум, который не могли заполнить даже книги. Он стал бродить по городу. Без определённой цели: просто шёл, куда глаза глядят; то есть, глазел по сторонам – на людей, дома, деревья, небо над головой, бездомных кошек, лужи под ногами, – на всё, что могло отвлечь от мрачных мыслей о тщетности бытия. Впрочем, даже в депрессивном состоянии он думал, скорее, не о девушке, а о хорошем верном товарище, способном выслушать несколько часов непрерывного нытья и высушить несколько вёдер скупых мужских слёз.

Но единственный друг был далеко. Рядом была тётя. А у тёти – идея-фикс: женить засидевшегося «в девках» племянника.

- Вы это серьёзно, тётушка? – спросил он, когда милая пожилая леди бегло изложила свой план.

- А чем ты рискуешь? Просто посмотришь на девушку.

И он согласился. Обрадовавшаяся тётя тут же принялась нахваливать потенциальную невесту. Все уши прожужжала, какая она красивая («словно киноактриса»), трудолюбивая («учится, работает, ещё по дому успевает всё делать»), рассудительная («не хочет абы за кого замуж выходить, но ежели найдётся хороший парень»).

Так, за хвалебными речами, дошли они до дома, где жил Антон. Девушка, как оказалось, снимала комнату буквально через два подъезда от него – у одинокой старушки-пенсииерки.

Они поднялись на второй этаж. Постучали. Им отперли. Пропустили внутрь. Внутри было тесно, тускло, тоскливо. Лавка древностей. От сваленных всюду и безо всякого порядка вещей исходил кисловатый запах одинокой старости. Хотя сама квартирная хозяйка была бодра, деятельна, она легко перешагивала через картонные коробки, сдвигая в стороны заваленные тряпьем стулья. Незапланированное сватовство оторвало её от шитья: на расчищенном от хлама столе у окна сутулилась швейная машинка (на корпусе отчётливо читалась надпись «Singer»).

Тётя изложила причину. Старушка одобрила:

- Если бы у меня была дочь, я отдала бы её за вашего Антона без колебаний, лучшего мужа и придумать сложно.

Подобные речи не были новостью. Он часто нравился матерям и никогда не нравился дочерям. Загадка. Кто их поймёт, этих женщин... Иная раса, лишь по недоразумению... Иногда ему казалось, что легче с марсианами найти общий язык.

Их проводили в девичью комнату, которая являла собой разительный контраст с остальной квартирой: чисто, опрятно, свежо. На стене висела дешёвая китайская картина: изображение водопада, подсвеченное изнутри цветными светодиодами. Самой девушки (к счастью) не было дома. Она отлучилась куда-то по делам. Взамен сватам вынесли фотографическую карточку: три на четыре, из тех, что клеят на удостоверения. Серьёзное широкоскулое лицо, обрамлённое плотным окладом золотистых волос, не произвело особого впечатления. Не в его вкусе. И это окончательно решило дело. Не смотря на настойчивые уговоры немного подождать, уверения в скором возвращении, он попрощался и пошёл домой.

Больше они с этой девушкой никогда не пересекались.

19. Троллейбус, который...

Антону снился сон. Антон знал, что спит, но забывал об этом, как забывает бодрствующий человек о своём бодрствовании. Он видел себя со стороны: был одновременно и участником и зрителем сна, чувствовал всё то же, что и герой сна, но как бы на расстоянии, немного отстранённо, словно ему постоянно приходилось прислушиваться к собственным ощущениям.

Антону снилось, что он проснулся всё в том же гостиничном номере. Мутный сумеречный свет неподвижной массой стоял в помещении, словно спитой кирпичный чай, слегка густевший к полу и почти сливавшийся с ним. В застоявшемся беззвучном воздухе висели тёмные чайники мух – ископаемые, увязшие в мутном янтаре. Лёгкие газовые шторы были неподвижны.

Антон осторожно встал с кровати, оделся и вышел из номера. Во всей гостинице царил абсолютная тишина: нигде даже половица не скрипнула. Лифт тоже пришёл совершенно бесшумно. Внизу – в фойе – не было ни души: даже улыбчивая девушка за стойкой администратора куда-то исчезла. Часы над стойкой показывали без двадцати минут восемь. Секундная стрелка не двигалась.

Антон открыл стеклянную дверь на улицу. Он ожидал, что на него пахнёт вечерней свежестью, но ничего подобного не произошло, воздух был мёртв так же, как и внутри гостиницы: не тёпел и не холоден, без запахов, без движения...

У пластикового павильона на остановке стояли какие-то люди. Антон никак не мог рассмотреть их лиц. Да и рассматривать времени не было. Почти сразу послышалось грудное гудение, словно где-то запустили огромный волчок. Первый живой звук в глухом пространстве сумерек, обжимавших пустынный город.

Гудение усилилось. Оно приближалось со стороны Торжковского рынка. Антон всмотрелся в ту сторону и увидел жёлтый электрический свет – ещё отдалённый. Силуэт троллейбуса он угадал раньше, чем различил. Люди на остановке инстинктивно подались вперёд, ближе к поребрику. Троллейбус двигался медленно, словно ощупью. Его длинные штанги, касавшиеся протянутых вдоль проспекта проводов, казались гибкими, как усики гигантского насекомого.

- Аннушка опять разлила масло?

- Не Аннушка, а Алиса. И не масло, а масляную краску...

Ему почудилось или этот диалог действительно прозвучал?

За ярко освещённым лобовым стеклом троллейбуса Антон с удивлением опознал рыхлую фигуру поющего сантехника. Он был всё в том же комбинезоне, только более ветхом, почти совсем выцветшем и заляпанном чем-то...

Троллейбус остановился.

В салоне Антона поразила чистота. Такую идеальную чистоту в общественном транспорте он видел лишь однажды – в день, когда торжественно открывали троллейбусное движение в его родном городе.

Зато народ подобрался внутри самый что ни на есть обыденный, не праздный: кучка гомонящих студентов, несколько усталых рабочих, мамаша с младенцем, девушка с планшетом, старушка в старомодной шляпке с вуалью, какой-то «кришнаит» в белой простыне, обрюзгший гражданин с толстым портфелем, ещё кто-то... Антон с трудом различал лица, словно смотрел через мутное стекло.

- За проезд оплачиваем, - услышал он трубный глас с небес.

Антон вздрогнул и поднял взгляд: над ним стояла та самая утренняя незнакомка. Только теперь она была в оранжевой жилетке, чёрном берете, и через плечо у неё была перекинута сумка. Волосы подстрижены под каре. Взгляд строгий, неподкупный. Но это был именно тот взгляд.

- Простите, - Антон смущённо зашарил по карманам. Он не помнил, брал ли с собой бумажник. И очень может статься, что не брал.

В конце концов, ему удалось выловить одну монету в 15 копеек, случайно закатившуюся за подкладку куртки.

- Вот. Это всё, что есть, - он был уверен, что его немедленно «попросят» из троллейбуса. Но девушка-кондуктор спокойно приняла плату, вручив взамен отпечатанный на тонкой бумаге билет.

Антон в каком-то оцепенении смотрел, как она пошла дальше, как сумеречные пассажиры протягивали ей деньги (почему-то только монеты), как ловко отрывала она билеты от притороченного к сумке рулона и отдавала их оплатившим проезд.

Билет, кстати говоря, был самого простецкого вида. Такие печатали при советской власти. Красной типографской краской на тонкой бумаге. Возможно, они и остались с советских времён, залежавшись где-нибудь на складе. Любим мы складировать про запас. Но такова уж российская действительность: никто и никогда не может быть уверен в завтрашнем дне – то чума, то война...

Антон взглянул в окно. Город изменился. Он стал ещё сумрачнее: силуэты зданий лишь слегка выступали из общего фона, редко какое окно светилось землистым рябеньким светом, лёгкие линии проспекта были вычерчены твёрдым, чуть крошащимся графитом. Небо же пребывало акварельным, слегка сыроватым.

- Куда мы едем? – спросил он у девушки-кондуктора, когда та, обойдя салон, устало опустилась на сидение рядом.

- Вы ведь уже купили билет, - удивилась девушка вопросу. – Хотите самсу?

- Нет, спасибо.

- Берите. Путь долгий, ещё проголодаетесь, - она деловито вынула из сумки целлофановый пакет и аляповатый китайский термос. – У меня и кофе есть горячий... Угощайтесь!

Свет ламп был надёжен и уютен. Троллейбус двигался мягко, плавно ускоряясь и притормаживая. Кофе, налитый в крышку от термоса, почти не плескался. В другой руке Антон держал пластиковый пакет – тёплый, податливый, пахнущий восточным базаром.

Чем уютнее становилось внутри, тем тревожнее казалось снаружи. Какие-то багровые сгустки, оставленные незримым заревом, стекали по тёмному граниту, асфальту, стёклам, скатам крыш, по краям опалённых статическим напряжением туч... Город мрачнел. Сжимал зубы. Глядел на движущийся троллейбус исподлобья. Это уже были окраины. Пригороды. С холодным лезвием финского ножа в пропитанной алкоголем печени.

20. Калинов мост

Внезапно что-то изменилось. Непрестанный гул гигантского волчка смолк. Исчезла дрожь под подошвами туфель, словно человек, которого бил озноб, мгновенно окоченел. Движение, лишённое усилий, иссякло. Троллейбус стал.

Выглянувший из своей кабины водитель сообщил, ни к кому персонально не обращаясь:
- Напряжения нет. Обрыв.

Пассажиры заволновались. Кто-то хотел выйти, кто-то, напротив, предлагал ждать.

Слегка занервничал и Антон, наружу ему не хотелось: окунуться сейчас в грязно-серые сумерки казалось равносильным погружению в болотную жижу.

- Подождите, я узнаю, надолго ли это, - сказала девушка-кондуктор, покидая своё место.

Антон едва успел доесть самсу и допить чудесный крепкий кофе, как девушка явилась вновь.

- Тут обрыв провода. Но на другом берегу ток есть. Если дотолкать троллейбус вон до той развилки, то можно ехать дальше.

Сизоусый работяга в потёртой кожаной куртке и фуражке «пирожком» первый двинулся к дверям:

- Айда, мужики, разомнём косточки! – буркнул он уверенным баском.

Удивительно, но никто не возражал. Даже «кришнаит» безропотно потянулся к выходу. Деловитое оживление согрело сердца. У мужчин появилось дело, соответствующее их званию, - и это вселяло бодрость. Тьма за стеклом уже не казалась абсолютным злом, но лишь фоном для грядущего подвига. Ибо что есть мужчина без подвига? – так, млекопитающее... оно... средний род.

Сложнее всего было сдвинуть инертную массу с места, но, сдвинув, уже не составляло особого труда вкатить её на узкий, как зазубренное лезвие, мост. На странный понтонный мост, подобный которому Антон видел лишь на старинной гравюре. Деревянный настил был положен поверх выстроившихся в ряд – борт о борт – лодок, под которыми кипела чёрная, как смоль, вода. Мост вздрагивал и колыхался живым существом. Взрезая сыромятный ремень реки, он напрягал упругие древесные мышцы. Так же, как Антон напрягал свои в едином усилии с упёршимися в металлический корпус троллейбуса мужиками.

- Эй, ухнем!

Единственным джентльменом, оставшимся внутри, был мягкотелый водитель, а единственной леди, покинувшей электрический дилижанс, всё та же девушка-кондуктор. Так казалось Антону. Но он ошибся.

Хриплый лай прибил к перилам моста беззвучный детский крик. Мужчины инстинктивно бросились на помощь, но отхлынули от пяти абсолютно одинаковых (будто с одного выводка) раскалённых и оскаленных морд. Девочка не плакала. Она стояла, сжав губы, вжавшись спиной в ограждение и сжимая в руках самодельную тряпичную куклу с пуговицами вместо глаз.

«Где же мать?» - подумал Антон.

Все женщины в троллейбусе приникли к окнам, но ни одна из них не вела себя как мать. Может быть, девочка случайно оказалась на мосту? Страшные, ошпаренные злостью псы пожирали свою жертву горящими очами. Слюна капала на дощатый настил, который судорожно вздрагивал от отвращения.

- Не шевелись! – крикнули девчужке.

Но в тот же миг она резким взмахом швырнула безвольную тряпичную куклу через вздыбленные заграбки - в мутный кипень волн по другую сторону моста. Псы разом поворо-

тили ощеренные пасти и разом перекинули свои щетинистые туши через барьер ограждения. Тёмная, плотная, как мазут, вода, пропитая белой пеной бешенства, сомкнулась над ними.

21. Конечная остановка

Казалось, этому не будет конца. Они шли уже четвёртые сутки. Противный мокрый снег, зарядивший с рассвета, лез в глаза, налипал на одежду, таял, стекая неуютным холодом за ворот. Дорога раскисла и была вдрызг разбита прошедшей ранее конницей. Тяжелые орудия вязли в грязи. Банный пар валил с разгорячённых ходьбой людей.

- Хучь бы привал скорей, - прохрипел шедший рядом с Антоном пожилой ополченец, обжимая рукой просыревшую бороду.

- Чё, дядя: небось, вспомнил, как дома на печи кости грел? - откликнулся молодой парень с непокорными, выбивающимися из-под шлема вихрами.

- Вам-то, молодчикам, оно может и в радость - топтать с утра до ночи. Всё одно силёнки девать некуда. А нам уже по возрасту положено на печи валяться да кашей питаться, - не остался в долгу «дядя».

- Что ж ты, старой, за нами увязался? И лежал бы себе - в потолок сопел? - всё не унимался парень с молчаливого одобрения слушателей, которых эта шутливая перебранка немного отвлекала от тяжёлой дороги.

- Да вот, не понадеялся на вас, молокососов: решил, не управитесь с ворогом, просрёте матушку-Русь...

Дружный гогот всколыхнул длинные ряды копий; те, кто не слышал разговора, удивлённо оборачивали мокрые лица и ломали строй, пытаясь понять, в чём дело.

- Гарно вин тоби сказав! - восхищённо хлопнул по спине промокшего паренька скуластый хохол.

- А ну, тихо! Я вас! - тут же рявкнул начальственный глас откуда-то из белоснежного варева.

Но мужики ещё долго шли, чмокая от удовольствия, пряча в бороды и усы усмешки.

Бивак разбили лишь тогда, когда свечерело настолько, что стало не видно дороги. Войско заночевало прямо в поле, в ближайшей неглубокой ложбине. Натаскав вместе с другими хвороста, Антон устроился у одного из множества костров, предусмотрительно подложив под зад собственный щит. Снег валил все пуще.

- Если всю ночь идти будет, к утру нас в этой ложбине так заровняет, что хоронить не нужно.

- Не каркай!

Люди постепенно стекались к огням, причём «кучковались» чаще всего по земляческому принципу.

- Эй, где тут рязанцы есть?

- Куды прёшь, чалдон косолапый!

- Чуете хлопцы, який смачный запах?

- Та це москали салом разжылыся.

- Ты свой роток на чужое сало не разевай. Свое хавай.

- Хоть перед смертью нажрусь от пуза...

- Это ещё вопрос кто раньше помрет: мы или они? Я, лично, им такой радости не обещаю.

- ...Верная, говорю тебе, примета. Её ещё мой дед знал: если земля гудит - к великому плачу это... Да и закат, глянь, какой яркий, не иначе быть завтра сече...

- Даст бог, одолеем ворога...

- Не журишь, парень, всем поперву страшно.

- Да нет, дядя, это я так ... озяб малость.

- Хорошо щас дома...

- Жалко баб нету.

- А ты бы свою в короб посадил да на закорки.

- Даст бог, одолеем...

Отяжелев от ватного тепла, Антон плавно соскальзывал в тёплую глубь забытья: голоса доносились все глуше, невнятнее, всё более и более искажаясь – двоясь, растягиваясь, наслаиваясь...

- Ба, да вы никак задремали?!

Антон с усилием разнял сонные веки. Снег за мокрым троллейбусным стеклом белёсым тюлем занавешивал посеревшие от сырости и ненастья здания. Редкие прохожие, чертыхаясь в душе, устало месили вязкую грязь индустриальной окраины. С деревьев и проводов каплями сочилась вода.

- Просыпайтесь! – девушка-кондуктор легонько трясла Антона за плечо. – Скоро конечная.

22. Аделаида

Последним сошёл пожилой рабочий вместе с девочкой, прижимавшей к груди вместо тряпичной куклы подаренное кем-то яблоко; рабочий вёл девочку, накинув на хрупкие плечи свою пропитавшуюся типографской краской и свинцовой пылью куртку, полуобняв – мудро и безмолвно. Их плотные войлочные фигуры съела бесплотная пелена снега.

- Мне туда, с ними? – спросил Антон тревожно.

- Зачем? – удивилась девушка. – У них свой путь.

Она ладонью отёрла испарину с оконного стекла. Стали видны медленно раздающиеся в стороны створки стальных ворот: старых, порыжелых, в духе советской готики.

- Оставайтесь. Хотя бы снегопад переждёте.

Идти Антону было некуда, а волглый снег казался такой же неотъемлемой частью пейзажа, как кирпичные просыревшие стены. Зелень присутствовала только в виде зелёного налёта на цоколях зданий. Цокали по оцинкованным навесам тяжеловесные талые капли, вбивали гвозди в гроб капиталистического способа производства. Целые кирпичи выпадали из кладки, выгрызенные сыростью. Окраина. Пролетарское гетто – родное в своей сиротливой предопределённости. Беспросветная серость... но тёплая, греющая душу терпкой неразбавленной тоской.

- Я буду лишним. У вас, наверняка, свои дела, - попытка изобразить благородное стеснение была изначально обречена на провал. Ему не поверили.

- Никаких дел нет. Рабочий день уже закончился.

- Тем более. Вам домой надо.

- Я живу здесь же – в троллейбусном парке.

- Как это?

- Сейчас сами увидите. Что-то вроде монастыря... только на колёсах... табор с монастырским уставом.

Сдав в кассу дневную выручку и избавившись от казённой жилетки, девушка повела Антона из ангара вглубь огороженной территории, на пустырь, освещённый прожекторами с высоких ажурных башен. Но пустырь не был пуст. По всей его немалой площади торчали троллейбусные остовы. Некоторые совсем проржавевшие, без стёкол, без колёс, но некоторые щеголяли свежей покраской, чистыми остеклёнными окнами и... электрическими проводами, подведёнными к длинным штангам на крышах.

- Вот тут я и обитаю, - девушка подошла к одному из самых «респектабельных» троллейбусов (или троллейхаусов?): вокруг него даже небольшой палисадничек был выгорожен.

- Красивый, - искренне похвалил Антон, его тронули наивные божьи коровки, ползущие по изумрудным листьям. – Кто это рисовал?

- Я сама... аэрографом, - неожиданно смутилась девушка. – Вам правда нравится?

- Правда.

- А мне кажется, что ужасно коряво получилось.

- Нет, они симпатичные.

Ах, зачем женщины всё выговаривают? Чувство неизречённое зачастую жжёт сердце сладостно и тревожно. В открытом же огне устной речи – стораает стремительно, как газетная бумага, оставляя лёгкий пепел, почти безопасный...

Вот и божьи коровки как-то враз потускнели.

Иное привлекло внимание Антона: ибо двери в это «мобильное» жилище были вполне троллейбусные, и было не вполне очевидно, каким Макаром (или Акимом?) они отворяются. Девушка привычно ухватила за какой-то выступ, сдвинула створку вбок и удерживала так, давая Антону (и себе) возможность пройти внутрь. Щёлкнул выключатель. Никаких сиде-

ний или поручней, конечно, не было. Они очутились в квартире, похожей на декорации к советскому фильму пятидесятых годов: койка с аккуратной горкой подушек, круглый стол, покрытый бахромчатой скатертью, деревянные табуреты, короткие шторы, фикус на трюмо... Только вверху яркие лампы под матовыми плафонами рушили иллюзию.

- Проходите, присаживайтесь, - девушка положила на жёсткий табурет одну из подушек. – Вы пробовали когда-нибудь кутью?

- Кутью? – удивился Антон. – Это что-то древнерусское?

- Это разваренные в меду пшеничные зёрна. Со всякими пряностями и вкусами, вроде изюма, кураги, чернослива, - пояснила девушка, которая уже «колдовала» возле электрической плитки. – Газа тут нет, зато бесплатного электричества – сколько душе угодно. Оно и греет, оно и варит, оно и освещает. Сначала было непривычно, а теперь даже нравится.

- Да, странное место.

- Как всё на этой планете.

- У вас философский склад ума.

- И это помогает мне не попадаться на грубую мужскую лесть.

Она поставила перед Антоном миску с варевом. Рядом возникла кружка свежего кофе. В том, что девушка умеет готовить восхитительный Café con Leche, Антон уже имел случай убедиться. А вот насчёт кутьи он не был столь уверен. С опаской попробовал первую ложку. Это было вкусно. Это было очень вкусно, сытно и, судя по ингредиентам, весьма полезно (микрорезультаты аппетитно хрустели на зубах, а витамины пищали под языком). В свою очередь шероховатая арабская горечь кофе, как наждаком, зачищала излишнюю славянскую медоречивость кутьи, рождая ностальгические нотки. Покойная бабушка каждое утро варила ему кофе, и запах съедал остатки сна раньше, чем звон будильника. Антону даже показалось, что девушка чем-то напоминает его бабушку, что такой и могла быть бабушка в молодости. Но... показалось.

- Спасибо. Не дали умереть с голоду, - ему мучительно захотелось откинуться назад в позе умиротворённого гурмана, откушавшего, отучневшего, отяжелевшего от деликатесов. Единственное, чего ему не хватало для полного счастья, это спинки у табурета.

- Вкусно? – спросила девушка, присаживаясь рядом. Её зеленоватые очи вбирали свет ламп, обретая неестественное, не свойственное человеку свечение. В другое время Антону стало бы не по себе, но сейчас в желудке у него биополимеры пищи мерно расщеплялись на мономеры, от электрической печки накатывали волны инфракрасного излучения, а по широким оконным стёклам медленно стекали сгустки H₂O.

- Не кокетничайте, - с барственным благодушием пробубнел он. – Вы же сами знаете...

- Может и знаю. Но не ощущаю – вот в чём беда.

- Как это?

- Вот вы знаете, что пчела видит ультрафиолетовый цвет, который человеческий глаз не воспринимает?

- Да, я слышал что-то такое...

- А вы можете почувствовать этот цвет? Увидеть его воочию? Так, как видите красный или жёлтый?

- Наверное, он чем-то похож на фиолетовый, только... насыщеннее.

- Красный тоже похож чем-то на жёлтый, только он другой... совершенно другой для человеческого глаза. Привычные вам предметы в ультрафиолетовом освещении зачастую выглядят непривычно. Те же цветы. У них проявляются скрытые узоры. Однотонный жёлтый одуванчик оказывается двуцветным: с симпатичными ультрафиолетовыми пятнами на периферийных лепестках.

- Откуда вы это знаете? – ошарашенный Антон растерял всё своё сытое самодовольство.

- А теперь представьте себе инопланетянина, у которого процесс потребления энергии основан на совершенно иных принципах, нежели у людей: не механическое и химическое расщепление органических соединений, а, например, фотосинтез, как у растений, или какой-нибудь ещё более экзотический способ. Разве может такое существо ощутить и оценить вкус пищи?

- Но... даже если это правда, причём тут вы?

Девушка улыбнулась. Молча поставила недопитую чашку кофе на стол. Никакой позы в её облике не было: она просто улыбнулась и поставила чашку на стол. Но у Антона почему-то пробежал озноб по звонким позвонкам, как будто льдинки прозвенели соприкоснувшись.

- Не пугайте меня!

- Пойдёмте, - девушка взяла его за руку (холодок мягкий, мятный), повела за собой к выходу.

Снаружи заметно стемнело. Свет прожекторов, заполнявший территорию троллейбусного парка, угас. С ним вместе угас и снегопад, словно снежные хлопья слетались на свет, во тьме же утратили интерес к этому месту. Тучи немного отслоились от горизонта, обнажив полосу чёрного пространства: сырого, круто уходящего вглубь третьего измерения, сплошь засиженного давно угасшими светилами, засаженного фотонными фантомами давно минувших миров. Глухомань несусветная...

- Видите вон ту голубоватую точку над горизонтом? Она только-только возшла, минут десять назад... Видите?

Антон смотрел не на звезду, а на длинные, бесконечно длинные пальцы, протянутые к звезде.

Девушка пояснила:

- В ваших каталогах она называется Аделаидой.

23. Пробуждение

Тревожная звуковая волна сбросила Антона с кровати. Скорее инстинктивно, нежели осознанно, он ухватил сотовый телефон и отключил на нём будильник. Потом сел. Перед ним на тёмной полированной поверхности лежал кассовый чек, упёршийся краями в столешницу и выгнувший спину акробатическим мостиком. Лёгкое движение воздуха от окна пошевеливало листок, но не могло сдвинуть.

Сотовый телефон Антон держал в правой руке. Другой – свободной – он взял листок. Перевернул. Номер был вписан карандашом, наскоро, на последней цифре грифель слегка осёкся, брызнув графитным крошевом.

Антон набрал номер и вновь задумался. Он смотрел на коричневый керамический кувшин; вернее – на тень от кувшина на белёной стене. Он пытался понять, почему тень падает в сторону окна. Голова ещё плохо соображала со сна: электрические импульсы застревали и рассеивались на полпути. Целые области лежали белым безмолвным пространством, как степь после снегопада. Но одна мысль читалась отчётливо даже с высоты птичьего полёта: «Если я не позвоню сейчас, то буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь».

Антон нажал кнопку вызова и поднёс телефон к уху.

- Алло! Это Аделаида? Мы с вами утром говорили насчёт... Да, Антон... Не беспокойтесь, я найду... Да-да, конечно... Уже выхожу... До свидания.

В наступившей затем тишине он отчётливо понял, что вливающийся в окно свет отражается от зеркальной дверцы шкафа в глубине комнаты и возвращается под небольшим углом, прихватив по дороге силуэт кувшина.

Всё встало на свои места.

24. Охта. Туда

Метро. Уже привычнее: не чудо, но нечто праздничное, волнующее. На стене напротив перрона огромный плакат: «Наши книжные шкафы сделают ваш дом уютнее». Видел ли ты, Антон, что-либо подобное у себя дома? Чтобы мебельная фирма рекламировала книжные шкафы, как самый ходовой товар?! А видел ли ты, грамотей, чтобы в общественном транспорте читали? И не один-два чудика, а чуть ли не весь вагон: старики с профессорскими бородами, студенты, домохозяйки, светские дамочки, пролетарии в серых воробьиных кепках... В шатком освещении белели книжные страницы, желтели полосы газет, мерцали мониторы планшетов и ноутбуков, отсвечивали экраны ридеров... Читали бессмертную классику, бесконечную беллетристику, бесцельные бестселлеры, читали свежие новости, не свежие кулинарные рецепты, не смешные анекдоты, читали Гражданский процесс, Лёгочные болезни, Диалектологию, Логику и Логистику, читали триллеры, любовные романы, фэнтези, читали Библию и блоги, читали...

Караимы, книжные люди.

На одной из станций в вагон вошла девочка лет десяти. Её белые банты и чёрная расклешённая юбка смотрелись анахронизмом. Бледно-голубые бойкие глазки ничего не выражали. Чистый лист. *Tabula rasa*. Материал для социальных экспериментов. Подкинуть бы ей сейчас какую-нибудь умную книжку – и нет у вас, господа-экспериментаторы, материала, а есть человек, гомо сапиенс, мыслящая, мятущаяся и мятежная душа... Главное, вовремя подсунуть.

25. Охта. Там

Среднеохтинский проспект всплыл из глубин послевоенного, послесталинского, оттепельного детства. Из захолустных, заштатных пятидесятых. У Антона не было оттепельного детства, но оно было у страны, и эта талая водица просочилась и в его перестроечную кровь – воздушно-капельным путём. Цвет домов не совпадал с их контурами, слегка затекая за торцы стен и скаты крыш, подмешиваясь в голубиную лазурь неба и воробьиную зелень деревьев. Ощущение выздоровления после долгой болезни, когда жизнь вновь обретает краски: ещё блеклые, расплывчатые... Здесь было уютно. Здесь ходили трамваи (дзинь-дзинь!). Здесь могли бы жить бабушка и дедушка, если бы улицы попадали в рай за праведное и безгрешное житие.

До Среднеохтинского была Нева.

Впервые.

Широким разворотом, против собственного течения, под металлическими клёпаными фермами моста Петра Великого – этой тяжеловесной инженерной фантазии в стиле скорее стимпанка, нежели модерна.

Стоя на широчайшей набережной у подножия высотного здания, Антон сразу и бесповоротно отдал парисово яблоко своего сердца именно мосту Петра Великого.

На Среднеохтинском ему вновь стали натирать туфли; походка враз скололапилась, окорявила...

Обувной магазин – стеклянная витрина вровень с тротуаром. Антон вошёл туда с лёгким трепетом: дорого, небось... Оказалось, не так уж и дорого. Купить что ли? Вот эти, например. Нет, каблук, не надо бы каблука. Или вот эти? Лёгкие, мягкие, на гелиевой подошве. Продавцы на базаре говорят: «на гелиевой подошве», но что это за гель такой никто не знает: миф, суеверие. Антон облюбовал коричневые туфли из натуральной кожи, но долго не подходил к кассе, якобы выбирая, а на самом деле наслаждаясь видом на Среднеохтинский проспект через стеклянную витрину.

После Невы была Охта. Река из семидесятых годов. Прямая и понятная. Как решения очередного съезда партии. С железобетонной логикой. С ясной и широкой судьбой.

- Говорят, раскопали самое древнее поселение на территории...

- Да что вы говорите!

- Хотят теперь строить там...

- Неужто дозvoлят?

- Деньги...

- В советское время проще было.

Кассирша отбила чек и вернулась к прерванному разговору с подругой.

Взяв коробку, приятно пахнущую натуральной кожей (а не «потом китайских рабочих», как говорила бабушка), Антон вышел за пределы аквариумной тишины магазина. Он вновь был на улице. И здесь же, у стеклянной витрины (то есть видимый и проходим, и покупателем) с наслаждением переобулся. Старые, пропахшие потом, размокшие под дождём туфли он обернул шуршащим саваном и уложил в пахнущую неподдельным качеством картонную коробку. Коробку он опустил в урну.

Теперь его походка обрела привычную лёгкость и упругость. Словно проспект слегка накренился по ходу движения. Где-то Антон читал, что ходьба на двух конечностях, это, по сути, контролируемое падение: при каждом шаге мы падаем вперёд, но вовремя прерываем этот процесс... Антон же непрерывно впадал в Среднеохтинский проспект.

26. Тётушкин сон

Аделаида ждала его, как и было условленно, на детской площадке. Хвост огромного павлина служил ей скамейкой.

- Это «мартини», держите крепче, - сказала она, протягивая Антону простую холщовую сумку. – Почему вы так долго?

- Я пешком, от метро.

- Зачем? Я же сказала вам номер трамвая.

- Да, вы правы: нужно было на трамвае. Я только раз в жизни ездил на трамвае. В Одессе. Давно, в детстве...

- Я уже начинаю сомневаться, - прервала его девушка. – Вы хоть помните свою роль?

- Я помню. Не беспокойтесь. Но этот проспект напомнил мне родной город. Каким он был в моём детстве. Каким он был для меня в детстве, и каким мог бы быть в идеале.

- Повторите.

- «Каким мог бы быть в идеале».

- Да нет же! Роль свою повторите.

- Я приехал поступать в магистратуру. Познакомились же мы в библиотеке. Случайно. Вы въехали на велосипеде в стеллаж с Полным собранием сочинений Иммануила Канта, и меня придавило «Критикой чистого разума»... Шучу-шучу! Мы стали встречаться. Возникла взаимная симпатия. Это правда? Неужели, взаимная? Осторожнее, у меня же в сумке «мартини»! Пошутить нельзя! Вот интересно: мы уже целовались или нет? Ай, не надо в меня камнем! Или вы хотите предъявить тёте труп жениха?

Они вошли в подъезд. В обычный подъезд обычной хрущёвской пятиэтажки. Таких и в родном антоновом городе пруд-пруди.

- У меня ощущение, что я дома.

- Не говорите ересь.

Аделаида достала ключи. Звякнул в полутьме лестничной площадки брелок.

- Да, ещё одно. Важное, - спохватилась девушка. – При тёте обращайтесь ко мне на «ты». Хорошо? «Выкающие» влюблённые неминуемо вызовут вопросы.

- Слушаюсь, мэм!

- И перестаньте... перестань паясничать.

- Уже перестал.

В тесной прихожей Антон долго разувался, путался в непривычной системе шнуровки, нервничал. Аделаида – внешне невозмутимая – молча стояла над ним. С потолка – ещё более невозмутимо – взидала лампа, наряженная в матовый плафон с глянцевыми силуэтами каких-то жар-птичьих пёрышек. Вышитые шёлковой нитью обои своим золотистым узорочьем пытались подражать этим перьям, хотя изображали, скорее всего, стилизованные листья травы или лепестки цветов. Их сплетения соответствовали путаности шнуровки. Высвободив наконец-то свои ноги из тугих неразношенных ещё туфель, Антон выпрямился и... упёрся взглядом в лиловое платье какого-то странного покроя, а-ля кимоно. Тётя напустила на себя деловитую серьёзность (а глаза-то, глаза – выдают, так и зыркают смышленными и смешливыми мышатами).

- Ан... - начала она, перехватила сердитый взгляд племянницы, осеклась, но тут же и продолжила. – Ан... тон, кажется?

- Да.

- А меня Надеждой Петровной зовут. Запомните?

- Мне Аделаида говорила о вас.

- Надеюсь, не какие-нибудь гадости? – шалые мышата прыснули в стороны – по шелковистым обоям. Надежда Петровна машинально прикрыла рот ладошкой.

Из прихожей переместились на кухню. Небольшую, как все комнаты в этой существенно обновлённой, осовремененной, но ни на дюйм не расширившейся квартире. Чувствовалось, что хозяева не бедны, однако ценят уют выше барских прихотей.

Антон и Аделаида поместились в одной плоскости на мягком диванчике, а Надежда Петровна непрерывно перемещалась в другой – параллельной. Границей служил стол, на котором последовательно возникали: бутылка «мартини», бокалы, ваза с фруктами, тарелка с тонко нарезанными кружочками колбасы, салат из крабовых палочек, пельмени... Накрывая на стол, тётя успевала ещё и экзаменовать Антона. В том же, что это не просто светская беседа, а испытание, и испытание серьёзное, он убедился с первых аккордов. Его повели по лабиринтам Эрмитажа, по площадям и набережным города, по филологическим дебрям старушки-Европы, по именам и датам. Надежда Петровна окончила Архитектурный институт, и контрфорсы в её речи принимали на себя часть интеллектуальной нагрузки, не давая стройному зданию очередного рассуждения рухнуть до того, как его увенчает головокруглительный купол вопроса. Ответам было где развернуться, мыслям, если они нападали на верную стезю, было просторно, как голосу в гулком соборе. Надежда Петровна не загоняла экзаменуемого в угол, не пыталась припереть к стенке или поймать на слове. Но ошибок не прощала. Подмечала мгновенно и выставляла на позор так же решительно, как выставляла на стол яства.

Например:

- Это распространённое заблуждение, на самом деле...

Или:

- Это не так. Вы ошибаетесь. На самом деле...

Или:

- Вы, вероятно, читали его биографию в Интернете. Забудьте о ней. На самом деле...

От русского искусства шёл сытный пельменный дух, оно было жарким, щедрым, уютным, оно насыщало. Французы напоминали изысканный фруктовый десерт, полезный для ума и для сердца, лёгкий, питательный, приятный для глаз и для уст. Тяжеловесные тевтонские художники потчевали зрителей копчёными колбасами из фарша действительности, приправленного классической немецкой философией. Игривый итальянский ум искрился в бокалах солнечного «мартини», а практичный английский мазал майонезом фантазии крошево из культур, стилей, идей...

Они сошлись на любви к Испании, в особенности – к Антонио Гауди. Надежда Петровна забыла об экзамене: в ней проснулась любознательная девчушка, тридцать лет назад впервые увидевшая на репродукции чудо – растущий в небо собор, прирастающий, прорастающий, живущий даже помимо своего творца, давшего толчок и направление, но не предопределявшего судьбу, отпустившего творение на волю, как отпускают детей из-под родительской опеки. Она бывала в Испании, видела всё воочию, не разочаровалась. Напротив, укрепились в своей привязанности. И теперь – наткнувшись на родственное чувство, вспыхнула ярко и искренне.

- Вы хотите знать моё впечатление? Оно огромно. Но самое замечательное там – люди. В других городах Европы чище, но скучнее... Испанцы же ещё не поражены этой всеевропейской жёлтой пылью. Или поражены в меньшей степени. Они любопытны и непосредственны. И если восхищённо хлопают вас по спине, то хлопают от души, так, что и с ног могут сбить.

В прихожей, когда Антон затягивал шнурки, Аделаида внезапно наклонилась и шепнула ему на ухо:

- Вы влюбились мою тётю.

27. Охта. Обратно

Обратно в гостиницу его доставили с невиданным комфортом. Надежда Петровна вела машину уверенно и даже лихо. Так, словно никакого транспорта на их пути не было в помине: ни попутного, ни встречного. Словно дорога лежала перед ними пустынным сновидением. Светофоры не останавливали движения. Повороты и развязки не замедляли его. Мощный мотор съедал пространство раньше, чем оно обретало материальную плотность. Антон и глазом моргнуть не успел, как они проскочили чудесный мост Петра Великого, пронеслись по набережной мимо Летнего сада, миновали Троицкий мост, вылетели на Петроградскую сторону.

- Хорошо, до развода мостов успели, - заметила Надежда Петровна. – Такой уж у нас город, на островах стоящий.

- Неужели за столько лет ничего не придумали? Ведь даже Кронштадт соединили дамбой, а тут...

- Да, Кронштадт теперь тоже часть Петербурга... У меня подруга была из Кронштадта. Мы вместе учились в Архитектурном. Она часто рассказывала о тамошнем Морском соборе, о кораблях, о фортах... Тогда это был закрытый город.

- Мне бы хотелось там побывать, - перед мысленным взором Антона встал из тумана легенд абстрактный образ города-крепости, одним звуком своего имени сводящий скулы суровой судорогой гордости.

- В чём проблема? Давайте съездим туда завтра, - предложила Аделаида.

- Проблема в том, - возразила тётя, - что завтра мы собираемся на дачу.

- В чём проблема? – повторила Аделаида с некоторым вызовом. – Давайте в обед съездим в Кронштадт, а потом уже – на дачу.

Надежда Петровна улыбнулась. Видимо, упрямый характер племянницы ей нравился.

- А почему не утром? – спросила она. – Ты же знаешь, что в обед я работаю.

- На утро у нас уже есть планы.

- Секретные?

- Для кого как...

Антон, которого, по-видимому, забыли посвятить в совместные планы, обуюло любопытство. Но спросить он не мог. При тётя. Это поставило бы Аделаиду в неловкое положение. Он вновь посмотрел на дорогу. И поразился тому, как быстро стемнело. Свет мощных фар перекрывал своим напором матовый свет фонарей. Витрины и окна домов горели ярко и бессонно. Но за этим кругом искусственного освещения чувствовалась огромная, как выдох полной грудью, летняя ночь, накрывшая город глухим колпаком.

Машина вильнула к тротуару и стала.

- Что ж, увидимся завтра, - сказала, прощаясь, Надежда Петровна.

- Увидимся завтра в шесть у моста Петра Великого, - шепнула Аделаида заговорщицки. Её дыхание обожгло Антону висок. Ни время, ни место свидания его не удивили. Морально он был готов и к более экстравагантным условиям.

Так что, взмахнув рукой, поспешно отступил на тротуар:

- До свидания!

Что ему ответили, он уже не расслышал. Да и не стремился.

28. В Интернет-клубе

Прежде чем подняться к себе в номер Антон спустился в Интернет-клуб, поместившийся в цоколе соседней высотки. Там был кондиционер. В полутьме мерцали выстроившиеся в ряд однотипные мониторы. Тихо, в нос, гундосили что-то невразумительное системные блоки. Несколько завсегдатаев-геймеров своими сутулыми спинами лишь подчёркивали пустоту помещения. На это же намекал и кондиционированный воздух.

Антон просмотрел почту. Быстро набрал (видимо, загодя заготовленный в уме) текст и отправил сразу нескольким адресатам.

- Сколько с меня? – спросил он администратора.

- Нисколько. Оплата только за входящий трафик.

В это мгновение Антон почувствовал, что коммунизм неизбежен.

29. Бессонница

Поднявшись к себе в номер, Антон предполагал немедленно лечь спать. Это казалось логичным. Но сон не шёл к нему. Полежав какое-то время с открытыми глазами, он принялся вышагивать от двери прихожей до окна и от распахнутого окна до двери. Он чувствовал присутствие ночи, сочувственно сопровождавшей его, но бессильной помочь, ибо сама была поражена бессонницей городских шумов и запахов.

В очередной раз минуя стол, мягко очерченный ночником (верхний свет казался слишком резким для столь позднего часа), он зацепился взглядом за книгу, вынутую из рюкзака из стопки других и забытую за всеми этими чудесами вроде поющего женским голосом сантехника или бесплатного Интернета. Антон читал её в поезде. И предполагал дочитать в Питере. Это был сборник фантастических рассказов разных авторов. Отличное средство приманить сон, который, как известно, весьма падок до фантастических образов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.